

ХАРАКТЕРЪ И ОБЪЕМЪ

ТАКТИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ (*).

Военное искусство заключается въ умѣнь бить врага съ наименьшими для себя усиліями и потерями. Ясно, что достиженіе этой цѣли возможно только при полномъ знаніи свойствъ всего того, что служить къ нанесенію вреда врагу, ибо, не зная орудій, которыми извѣстная цѣль достигается, невозможно примѣнить ихъ къ дѣлу.

Изъ этого видно, что въ военномъ дѣлѣ представляется два, рѣзко отличные другъ отъ друга, отдѣла: первый — *знаніе* свойствъ всѣхъ данныхъ, имѣющихъ вліяніе на успѣхъ или неудачу войны и боя; второй — *умѣнье* воспользоваться этими данными въ извѣстную минуту, для достиженія предполагаемой цѣли. Собственно теорія военного искусства можетъ имѣть предметомъ изслѣдованія преимущественно только первый отдѣлъ, т. е. свойства военныхъ данныхъ; за второй она не можетъ и не должна браться, потому что находчивость, нужная для примѣненія къ дѣлу военныхъ данныхъ, составляетъ удѣлъ природныхъ дарованій и долговременной боевой практики.

Посмотримъ же, свойства какихъ данныхъ подлежатъ изслѣдованію теоріи военного искусства.

Главнѣйшее средство для нанесенія вреда противнику есть, конечно, *войско*, обученное единодушно дѣйствовать, вооружен-

(*) Генеральнаго штаба полковникъ М. И. Драгомировъ и Г. А. Лееръ въ настоящее время составляютъ курсъ *тактики* для военныхъ училищъ. Статья г. Леера: „*О боевыхъ порядкахъ*“, помѣщенная въ прошлой книжкѣ „Военнаго Сборника“ (см. № 9), есть часть тактики курса старшаго класса, а настоящая статья есть „введеніе“ къ тактикѣ и составляетъ часть курса младшаго класса военныхъ училищъ. Въ ближайшемъ номерѣ журнала будетъ помѣщена другая статья г. Драгомирова: „*Объ образованіи и воспитаніи войскъ*“. Помѣщая поименованныя статьи, редація задавалась желаніемъ познакомить читателей съ характеромъ изложенія означенныхъ курсовъ, при чемъ надѣется, что статьи эти будутъ прочтены не безъ интереса и не безъ пользы. *Ред.*

ное возможно-лучшимъ въ данную эпоху образомъ, слѣдовательно уже по этому самому — *постоянное и регулярное*, такъ какъ набранное вдругъ, а не постоянное, войско не можетъ обладать ни достаточнымъ единодушіемъ, ни умѣнемъ владѣть своимъ оружіемъ, въ настоящее время весьма сложнымъ.

Итакъ, войско составляетъ первый предметъ изслѣдованія въ теоріи военнаго искусства. Чтобы опредѣлить, какіе главнѣйшіе отдѣлы должно представить это изслѣдованіе, посмотримъ, что нужно войску для того, чтобы оно было надежнымъ орудіемъ въ рукахъ распорядителя какого-либо военнаго предпріятія.

Положимъ, что арміи нѣтъ и ее пришлось бы сформировать вновь. Вопросы, которые представлялись бы въ подобномъ случаѣ, были бы слѣдующіе: сколько, изъ какихъ сословій и какимъ образомъ набрать людей, потребныхъ для составленія арміи? Какимъ образомъ поддерживать ее постоянно въ опредѣленномъ числѣ, пополняя неизбежную убыль (*комплектovanje*)? Какія средства принять для того, чтобы огромная масса людей могла быть устремлена къ достиженію одной и той же цѣли (*формированіе и организація*)?

Далѣе возникаютъ вопросы продовольствія, обмундированія, ремонтнированія лошадей, снабженіе арміи оружіемъ и огнестрѣльными припасами; вопросъ обученія и воспитанія солдата, какъ одиночнаго бойца и какъ составной частички какой-либо единицы высшаго порядка (роты, баталіона, эскадрона), и, наконецъ, образованіе офицеровъ всѣхъ степеней.

Изслѣдованіе свойствъ войска по отношенію къ этимъ вопросамъ составляетъ предметъ *военной администраціи*, которая занимается, слѣдовательно, разрѣшеніемъ задачи о возможно полномъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ какъ арміи, такъ и каждаго отдѣльнаго солдата, въ какомъ бы положеніи они ни находились, съ наименьшими издержками для казны.

Приготовляя армію для войны и для боя, администрація дальше не идетъ; какъ употреблять войска въ бою, какъ двигать ихъ до сближенія съ противникомъ, какъ располагать для боя и на отдыхъ, какъ обезпечивать войска отъ неожиданныхъ нападеній противника—всѣ эти вопросы изслѣдуетъ *тактика*.

Слѣдовательно, тактика учитъ употреблять то, что администрація подготовляетъ: тѣсная связь между этими двумя отдѣлами теоріи военнаго искусства ясна; мадо того: они долж-

ны; такъ сказать, сдерживать другъ друга, ибо администрація, имѣя въ виду преимущественно экономію, можетъ иногда стремиться къ достиженію этой главной своей цѣли и въ ущербъ боевой годности войскъ; наоборотъ, тактика, имѣя въ виду боевую годности войскъ, можетъ потребовать для этого такихъ жертвъ, какихъ ни одинъ государственннй бюджетъ не былъ бы въ состояніи вынести безъ крайняго истощенія народа.

Необходимость самой тѣсной связи между тактикой и военной администраціей обнаруживается особенно въ вопросѣ о воспитаніи и образованіи войскъ: только тактика можетъ въ этихъ вопросахъ вѣрно поставить тѣ цѣли, къ осуществленію которыхъ должна стремиться военная администрація въ мирное время для того, чтобы армія была способна къ выполненію боевыхъ назначеній. Соображаясь съ состояніемъ военнаго искусства въ данную эпоху, тактика опредѣляетъ основанія, которыхъ должно держаться, чтобы образованіе и организація войскъ не приняли ложнаго направленія. Эти основанія получаютъ свое развитіе въ различныхъ *уставахъ*, *служебныхъ* при образованіи и воспитаніи войскъ *руководствѣхъ*, имѣющихъ обязательную силу закона.

Изъ вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія военной администраціи и тактики, видно также, что та и другая находятся въ тѣсной связи съ *артиллеріей*; такъ какъ эта послѣдняя имѣетъ цѣлю изготовленіе оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, снабженіе которыми есть дѣло администраціи, и такъ какъ свойства оружія имѣютъ первостепенное вліяніе на строй и характеръ дѣйствія войскъ въ бою, что составляетъ предметъ тактическихъ изслѣдованій.

Итакъ, задавшись вопросомъ объ изслѣдованіи свойствъ войскъ, мы получили уже три обширныхъ отдѣла теоріи военнаго искусства, которые, находясь между собою въ самой тѣсной связи, должны однакожъ подлежать самостоятельной разработкѣ: иначе, усовершенствованіе ихъ было бы невозможно.

Но это еще далеко не все. Войска дѣйствуютъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ условій мѣста, *гдѣ* они расположены, и времени, *когда* они дѣйствуютъ. Изслѣдованіе этого вліянія мѣста и времени на дѣйствія войскъ — однимъ словомъ, вліянія *обстановки* дѣйствія — составитъ вторую часть теоріи военнаго искусства, которая распадается также на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ.

Сюда относятся: а) Изслѣдованіе вліянія различныхъ мѣстныхъ предметовъ на расположеніе, движеніе и дѣйствія войскъ, входящее въ тактику; изслѣдованіе искусственныхъ средствъ, служащихъ къ усиленію извѣстной мѣстности, избранной для боя, которое составляетъ предметъ *полевой фортификаціи*. б) Присобіе къ пониманію мѣстности, даваемое *военною топографіей*, предметъ которой—изображеніе мѣстности со всѣми предметами, могущими имѣть вліяніе на дѣйствіе войскъ. *Военная статистика*, доставляющая данныя для того, чтобы судить о состояніи какъ военныхъ средствъ противника, такъ равно промышленнаго богатства края, въ которомъ ведется война, что весьма важно и для чисто-военныхъ и для административныхъ соображеній.

До сихъ поръ я указалъ только на вліяніе мѣстности на дѣйствія войскъ; обращаюсь теперь къ вліянію на нихъ времени. Эта данная, въ высшей степени измѣнчивая, обнаруживаетъ на войска вліяніе до такой степени сильное, что иногда заставляетъ или отказываться отъ предпріятій, повидимому, самыхъ вѣрныхъ, или рѣшиться на такіа, которыхъ успѣхъ, повидимому, невозможенъ. Эту данную составляютъ случайности минуты, въ которую предстоитъ дѣйствовать, приходящія и исчезающія вмѣстѣ съ нею. Такія случайности заблаговременно знать нельзя, а нужно умѣть пользоваться ими, или ихъ парализовать, въ то же мгновеніе, какъ онѣ возникаютъ.

Изъ сказаннаго видно, что подобная данная не можетъ подлежать изслѣдованію теоріи, и такъ какъ она неизбежно вплетается во всякое военное предпріятіе, то ясно, что теорія не можетъ дать никакихъ правилъ для поведенія на войнѣ, ибо на каждый новый случай самому дѣйствующему приходится выводить правило. Но это же показываетъ, до какой степени основательно должно быть знакомымъ со свойствами военныхъ средствъ, чтобы примѣнять ихъ къ достиженію цѣли возможно лучшимъ образомъ при столь измѣняющейся обстановкѣ.

Для поясненія сказаннаго, укажу на нѣкоторыя изъ случайностей, столь могущественно способствующихъ или препятствующихъ достиженію цѣли.

На первомъ планѣ въ этомъ случаѣ, конечно, должно быть поставлено нравственное состояніе войскъ и ихъ руководителей. Такъ какъ сила челоуѣка въ бою зависитъ не столько отъ его физическихъ средствъ, сколько отъ его убѣжденія въ своей не-

побѣдимости, то если войска имѣютъ это убѣжденіе, или, наоборотъ, если почему-либо его не имѣетъ противникъ, то можно рѣшиться на самыя, съ перваго взгляда, дерзкія предпріятія.

Для примѣра приводимъ атаку укрѣпленнаго горнаго перевала Сомо-Сьерры, въ Испаніи, Наполеономъ. Около 12,000 испанцевъ, съ 16 орудіями, защищаютъ этотъ перевалъ; французская пѣхота сдѣлала попытку атаковать его и успѣха не имѣла. Тогда Наполеонъ пустилъ въ атаку на батарею польскихъ улановъ своей гвардіи, въ колоннѣ справа по четыре, по горной дорогѣ: батарея взята, пѣхота обратилась въ бѣгство еще прежде, нежели уланы доскакали до батареи. Съ перваго взгляда кажется, что давать подобныя назначенія кавалеріи просто нелѣпо; но, взявъ въ расчетъ, что испанскія войска были вновь набранныя, едва устроенныя, что такія войска подчиняются впечатлѣнію неожиданности весьма быстро, станетъ понятно, что, напротивъ, упомянутое употребленіе кавалеріи было великолѣпно соображено съ основнымъ ея свойствомъ — дѣйствовать на воображеніе.

Другой примѣръ. Въ 1805 году, по занятіи французами Вѣны, предстояло перейти черезъ Дунай, имѣющій въ этомъ мѣстѣ около версты ширины; по ту сторону моста стоялъ австрійскій отрядъ; орудіе было направлено вдоль моста; на мосту все приготовлено для его разрушенія. Съ перваго взгляда кажется, что перебраться на лѣвый берегъ по этому мосту не было никакой возможности. Мюрать, начальникъ французскаго авангарда, вступаетъ на мостъ и, въ сопровожденіи всей своей свиты, пѣшкомъ, идетъ на орудіе, дѣлая знаки, что онъ приближается съ мирными намѣреніями; непосредственно за свитой танулись войска. Австрійцы растерялись, и пока они думали, орудіе было окружено французскими войсками, которыя тотъ часъ же начали переправляться на лѣвый берегъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ французы распорядились совершенно противно такъ называемымъ правиламъ, и именно потому дерзость ихъ увѣнчивалась каждый разъ блистательнымъ успѣхомъ. На чемъ же держался этотъ успѣхъ, когда, кромѣ гибели, ничего, повидимому, ожидать было нельзя? Держался на нравственномъ настроеніи противника въ минуту дѣйствія и на томъ, что французы — совнательнѣ или инстинктивно, это все равно — воспользовались имъ.

Но нравственное настроеніе въ высшей степени измѣнчиво

и потому должно быть причислено къ случайностямъ: войска, бывшія наканунѣ непобѣдимыми, бывають иногда объяты паническимъ страхомъ на другой день послѣ побѣды, вслѣдствіе самыхъ ничтожныхъ причинъ.

Французская армія, одержавъ сольферинскую побѣду 24-го іюня 1859-года, стояла на слѣдующій день бивуакомъ на мѣстѣ битвы, имѣя цѣпь аванпостовъ изъ африканскихъ конныхъ егерей по Минчіо. За Минчіо стояли австрійцы. Нужно сказать, что у австрійцевъ есть полкъ, форма котораго весьма сходна съ формой африканскихъ конныхъ егерей. Итальянцы, служившіе погонщиками въ наемномъ обозѣ французской арміи, почему-то знали этотъ полкъ. Случилось такъ, что обозъ съ этими погонщиками былъ въ первыхъ линіяхъ бивуаковъ въ то время, когда отъ аванпостной цѣпи къ бивуаку подѣзжалъ французскій конно-егерскій развѣздъ. Съ криками „тедески! тедески!“ (т. е. нѣмцы) итальянскіе погонщики бросились куда глаза глядятъ. Эта случайность мигомъ разнеслась по бивуаку, и войска, въ неописанномъ броженіи, схватились съ бивуака и безъ всякаго распоряженія стали въ ружье. Есть даже основаніе думать, что этимъ не ограничилось, т. е. что были части, которыя, ставъ въ ружье, не остались на мѣстѣ. Но счастію, начальникамъ скоро удалось возстановить порядокъ и спокойствіе; тѣмъ не менѣе, паника была такъ велика, что распространилась до Брешии (городъ верстахъ въ 40 въ тылу французскаго бивуака): начальникъ транспорта съ ранеными, подходившаго въ этому городу, приказалъ обрубить постромки и усакавалъ со своими людьми и лошадьми, оставивъ раненыхъ на произволъ судьбы.

Къ случайностямъ относятся также свойства и нравственное настроеніе главнокомандующаго въ минуту дѣйствія.

То, чего себѣ нельзя позволить, имѣя дѣло съ рѣшительнымъ противникомъ, даетъ вѣрный успѣхъ съ нерѣшительнымъ или тивимъ, у котораго воображеніе преобладаетъ надъ умомъ; т. е. который по натурѣ расположенъ дѣлать изъ мухи слона. Наконецъ, одинъ и тотъ же человекъ не всегда бываетъ въ одинаковомъ настроеніи: какъ бы онъ силенъ духомъ ни былъ, и на него падаютъ минуты слабости, и неуверенности, что зависитъ отъ многихъ причинъ. Стоитъ только попасть въ такую минуту—и можетъ удасться то, за что, быть можетъ, пришлось бы жестоко заплатиться часъ назадъ или часъ спустя.

Ясно уже изъ этого, что лучшая рѣшимость противъ одного будетъ нелѣпостью противъ другаго, т. е. что въ двухъ положеніяхъ, совершенно одинаковыхъ во всемъ, за исключеніемъ свойствъ начальника, придется рѣшаться на мѣры совершенно противоположныя.

Начало кампаніи 1757 года Фридриха II представляетъ лучшее тому подтвержденіе. Оно прямо противоположно правиламъ, которыя можетъ предложить теорія, и именно поэтому великолѣпно удалось.

Передъ началомъ кампаніи силы Фридриха были разбросаны вдоль сѣверныхъ и восточныхъ границъ Богеміи верстъ на двѣсти, въ четырехъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ большая часть австрійскихъ силъ могла быть быстро сосредоточена у Праги. По „правиламъ“ слѣдовало бы сначала стянуть всѣ колонны внѣ опасности отъ нападенія противника, т. е. потерять очень много времени, и потомъ уже наступать. Фридрихъ и не подумалъ предварительно стягивать своихъ силъ, а пустилъ ихъ почти прямо на Прагу съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они стояли. Только вступивъ въ Богемію, его четыре колонны стягиваются въ два корпуса, раздѣленные рѣкою Эльбою и значительнымъ пространствомъ, и въ такомъ порядкѣ подступаютъ къ Прагѣ. Затѣмъ, когда восточный корпусъ приблизился къ Прагѣ, Фридрихъ съ частію западнаго переправляется черезъ Молдаву не далѣе какъ верстахъ въ семи отъ австрійцевъ, и въ такомъ положеніи остается болѣе полусутокъ. Съ точки зрѣнія теоретика, подобныя дѣйствія представляютъ не болѣе какъ рядъ ошибокъ, и Жюмини, хотя и великій теоретикъ, но все же теоретикъ, эти маневры ставить въ упрекъ Фридриху. Но дѣло въ томъ, что австрійцы подчинены были обаянію Фридриха, потому что уже были биваемы имъ, и не разъ; въ томъ, что они имѣли двухъ главнокомандующихъ, которые никогда не были одного мнѣнія: если одинъ на что-нибудь рѣшался, то другой находилъ эту рѣшимость или слишкомъ смѣлою, или несвоевременною. Фридрихъ, превосходно понимавшій характеръ своихъ противниковъ и знавшій что дѣлается въ австрійской главной квартирѣ, видѣлъ ясно, что всѣ предосторожности, которыя можно бы было принять, вступая въ Богемію, отняли бы только у него время и были бы приняты противъ мнимой, а не противъ дѣйствительной опасности. Принимать предосторожности, совѣтуемая въ подобныхъ случаяхъ теоріей, значило бы, говоря попро-

сту, распуская дождевой зонтикъ и въ то же время быть убѣжденнымъ, что дождя не будетъ.

Наконецъ, случайности чисто-матеріальныя могутъ имѣть столь же сильное вліяніе на измѣнчивость мѣръ, принимаемыхъ для достиженія одной и той же военной цѣли.

Положимъ, для того, чтобы атаковать непріятеля, я ожидаю присоединенія отряда, находящагося въ такомъ разстояніи, что онъ легко и вовремя можетъ ко мнѣ присоединиться. Но пошелъ дождь, распустившій дорогу; перехваченъ ординарецъ, съ которымъ послано приказаніе присоединиться; наконецъ, отрядъ заблудился: на присоединеніе его рассчитывать нельзя, и, рѣшившись сначала на атаку, придется отказаться отъ нея; т. е. перейти къ рѣшимости совершенно противоположной.

Въ 1815 году, открывая кампанію, Наполеонъ предписалъ двинуться корпусамъ средней своей колонны къ Шарльруа въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-му кавалерійскому корпусу (Пажоля) въ два съ половиною утра; 3-му пѣхотному корпусу (Вандамма) вслѣдъ за нимъ, въ три часа; за нимъ 6-му корпусу въ четыре; молодой гвардіи въ пять; старой въ пять съ половиною.

Въ этомъ порядкѣ Наполеонъ рассчитывалъ переправиться черезъ Самбру у Шарльруа до полудня.

Пажоль съ кавалеріей началъ движеніе по диспозиціи и достигнулъ моста черезъ Сомбру около восьми съ половиною часовъ, но съ одной кавалеріей дальше идти не могъ: мостъ былъ барикадированъ и прусскіе стрѣлки обстрѣливали его. Пѣхоты не было: корпусъ Вандамма не получилъ диспозиціи, ибо офицеръ, съ нею посланный, на дорогѣ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу; вмѣсто трехъ, Вандаммъ снялся съ бивуака въ шесть часовъ утра, а переправа черезъ Самбру средней колонны, которая, по предположенію Наполеона, должна была окончиться до полудня, окончилась только часамъ къ пяти или къ шести по полудни.

Въ томъ же 1815 году, Наполеонъ, въ сраженіи при Линьѣ, рѣшилъ направить въ правый флангъ пруссаковъ корпусъ Эрлона, бывший въ другой (лѣвой) колоннѣ, верстахъ въ десяти отъ правой массы французскихъ силъ, которою командовалъ Наполеонъ. Къ вечеру Наполеонъ приготовился уже нанести рѣшительный ударъ въ центръ пруссаковъ, какъ вдругъ по-

лучилъ донесеніе, что за лѣвымъ его флангомъ показались какія-то войска. Хотя Наполеонъ и не полагалъ, чтобы это былъ непріятель, но придержалъ резервъ, т. е. отказался на нѣкоторое время отъ рѣшительной атаки.

Изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, что случайности, на войнѣ неизбѣжныя, до такой степени безчисленно-разнообразны, что перечислить ихъ нѣтъ ни возможности, ни пользы, такъ какъ дѣло не въ томъ, чтобы ихъ знать наперечетъ, а въ томъ, чтобы вовремя подмѣтить на дѣлѣ и имѣть на столько рѣшимости, чтобы съ измѣненіемъ обстоятельствъ измѣнить быстро и мѣры для достиженія предположенной цѣли. Вотъ почему теорія правилъ для дѣйствій дать не можетъ; вотъ почему въ дѣлѣ только тотъ успѣваетъ, кто, при полномъ знаніи боевыхъ свойствъ войскъ и мѣстности, даваемомъ теоріею, надѣется, когда нужно дѣйствовать, не на теорію, а на собственный взглядъ и здравый смыслъ.

Припомнивъ сказанное, можно уже отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что можетъ дать теоретическое изученіе тактики и чего не можетъ. Оно можетъ дать ясное представленіе о боевыхъ свойствахъ войскъ и мѣстности, но не можетъ научить: ни задаваться цѣлями для достиженія, ни пользоваться военными средствами наивыгоднѣйшимъ образомъ въ данномъ случаѣ.

Эти двѣ послѣднія цѣли недостижимы для теоріи и могутъ составлять принадлежность только живой личности, развившей въ себѣ способность правильно смотрѣть на дѣло, отгадывать положеніе по нѣсколькимъ, самымъ иногда ничтожнымъ, примѣтамъ, выводить изъ нихъ заключеніе и мгновенно рѣшаться на осуществленіе его.

Теорія даетъ общую формулу, которая именно потому и не представляетъ какого-либо частнаго случая, что одинаково представляетъ ихъ все. Какъ воспользоваться этой формулой въ *данномъ* случаѣ, какія преобразованія сдѣлать, какія цифры подставить — дѣло человѣка, а не общей формулы, ибо онъ одинъ можетъ принять въ соображеніе случайности минуты, подъ влияніемъ которыхъ приходится общую формулу обращать въ частный случай.

Эта-то несостоятельность теоріи въ области примѣненія и подавала поводъ людямъ, не совсемъ знакомымъ съ дѣломъ, доходить до отрицанія пользы теоріи въ военномъ искусствѣ. Но они не замѣчаютъ той простой вещи, что таковъ удѣлъ теоріи

во всѣхъ наукахъ безъ исключенія, даже въ самой точной изъ нихъ—въ математикѣ. Вѣдь знаніе теоріи математики не есть еще ручательство за умѣнье составлять изъ вопросовъ уравненія; а это составляетъ конечное примѣненіе математики. Одинъ изъ лучшихъ математиковъ послѣдняго времени (*) говорилъ, что и въ математикѣ „правила существуютъ только для посредственности“.

Всѣ великіе люди сознавали эту истину, но не вдавались въ длинныя разсужденія: истина казалась имъ совершенно понятною и естественною. Маршалъ Саксонскій прямо говоритъ: „*Toutes les sciences ont des principes, la guerre seule n'en a pas*“. (**) Наполеонъ хотя и предлагаетъ нѣкоторыя будто бы правила, въ родѣ: *не дѣлайте фланговую марша въ виду непріятели, не назначайте пункта сосредоточенія тамъ, идѣ васъ можетъ предупредить противникъ*, но, во-первыхъ, въ этихъ совѣтахъ нѣтъ ничего положительнаго, ибо онъ говоритъ не *что должно дѣлать*, а только чего слѣдуетъ остерегаться; во-вторыхъ, тотъ же Наполеонъ говоритъ, что должно соображаться прежде всего со средствами, которыя имѣешь, и съ обстоятельствами, при которыхъ дѣйствуешь. Слѣдовательно, не только можно, но должно пренебрегать иногда его же вышеприведенными совѣтами, или, правильнѣе, рѣшать ихъ въ отрицательную сторону. Въ его собственной дѣятельности находимъ тому подтвержденіе: въ сраженіи подѣ Ваграмомъ, онъ предписываетъ фланговое движеніе корпусу Массены не только въ виду, но подѣ атаками непріятели; въ 1800 году онъ, ставъ на сообщеніяхъ австрійцевъ, разбрасываетъ по обѣимъ сторонамъ рѣки По свои силы, и что онъ не могъ сосредоточивать ихъ ранѣ нападенія противника, доказательствомъ можетъ служить сраженіе при Маренго.

Теорія — это арсеналь, въ которомъ вы находите всѣ возможные оружія; но что именно взять изъ этого арсенала, дѣло того, кто беретъ, и странно было бы, если бы онъ ожидалъ, что арсеналь ему подскажетъ что въ известномъ случаѣ изъ него взять слѣдуетъ.

Послѣ этого ясно, что несостоятельность теоріи въ дѣлѣ примѣненія служитъ доказательствомъ не ея ненужности, а, напротивъ, пользы и необходимости: чѣмъ труднѣе владѣть

(*) Остроградскій.

(**) „Всѣ науки имѣютъ правила; одна война не имѣетъ правилъ.“

какимъ-либо оружіемъ, тѣмъ тщательнѣе должно изучить его свойства передъ употребленіемъ въ дѣло. Иначе придется знакомиться съ этими свойствами изъ ряда горькихъ опытовъ, между тѣмъ какъ теоретически это можно сдѣлать безъ малѣйшаго пожертвованія, въ спокойномъ состояніи духа. Зная свойства, на дѣлѣ придется разрѣшать только одну задачу: какимъ изъ нихъ воспользоваться въ данномъ случаѣ? Не зная же ихъ, придется вмѣсто одной задачи разрѣшать двѣ, т. е. знакомиться сначала со свойствами изъ кроваваго опыта и затѣмъ уже ими пользоваться, если изъ опыта цѣль выйдешь. Должно помнить, что въ дѣлѣ, о которомъ говорю, всякое неудачное употребленіе войскъ, вслѣдствіе незнанія ихъ свойствъ, ведетъ къ тому, что ляжетъ безъ толку десять, сто, ляжетъ тысяча лишнихъ головъ—и изъ-за чего же? изъ-за того, чтобы офицеръ узналъ, напримѣръ, что кавалерію по пересѣченному мѣсту пускать въ атаку нельзя, что вести пѣхоту въ атаку на стѣну, не разбивъ стѣны, значитъ вести на убой, и т. под. Согласитесь сами, лучше это узнать изъ книжки, чѣмъ въ полѣ, подобнымъ путемъ. И относительно подчиненныхъ это будетъ честнѣе, да и относительно себя тоже разсчитливѣе.

Но если теорія не можетъ дать указаній на то, какъ задаваться военными цѣлями и какія именно средства употреблять для ихъ достиженія, то все же остается необходимымъ почерпнуть насчетъ этого хотя нѣкоторые указанія. Богатый запасъ ихъ представляетъ *исторія войнъ*, т. е. подробное описаніе кампаній, съ указаніемъ цѣлей, которыхъ стремились достигнуть всякимъ маневромъ, всякимъ сраженіемъ. Она показываетъ, какими цѣлями великіе полководцы задавались при извѣстной обстановкѣ и какимъ образомъ они устремляли всѣ военныя средства для достиженія своихъ цѣлей; какъ они выходили иногда побѣдителями изъ положеній, въ которыхъ, повидимому, не было надежды и на спасеніе.

Такъ напримѣръ: Фридрихъ долженъ былъ дать лейтенское сраженіе во что бы то ни стало, ибо въ то время, когда онъ дѣйствовалъ противъ французовъ и разбилъ ихъ въ средней Германіи подъ Россбахомъ, другая его армія была разбита наголову подъ Бреславлемъ австрійцами, которые заняли Силезію. Дѣло подходило къ зимѣ, а на зиму тогда прекращались военныя дѣйствія, такъ что оставалось или попытать счастья въ бою, въ

надеждѣ выгнать австрійцевъ изъ Силезіи, или допустить ихъ остаться тамъ на зиму. Но такъ какъ эта провинція была присоединена недавно отъ Австріи, то послѣднее было крайне опасно, и пришлось рѣшиться на первое. Съ 30,000 Фридрихъ атакуетъ 80,000 австрійцевъ и одерживаетъ одну изъ блистательнѣйшихъ своихъ побѣдъ, благодаря своему умѣнью дать такую нравственную заправку своей арміи передъ сраженіемъ, что ни солдаты, ни начальники не допускали для себя возможности середины между гибелью и побѣдой.

Итакъ, вотъ еще отдѣлъ теоріи военнаго искусства, способствующій изученію практической его стороны и полезный тѣмъ въ особенности, что отучаетъ отъ безусловности выводовъ, которая составляетъ неизбѣжный недостатокъ изслѣдованія умозрительнаго. Исторія войнъ представляетъ запасъ матеріаловъ для всѣхъ отраслей теоріи военнаго искусства и единственный источникъ къ приобрѣтенію вѣрнаго понятія о послѣднемъ и высшемъ отдѣлѣ этой теоріи—о *стратегіи*, имѣющей предметомъ постановку цѣлей для кампаній и сраженій и направленіе *всѣхъ* средствъ къ достиженію этихъ цѣлей.

Тактика, имѣя предметомъ изслѣдованіе главнѣйшаго изъ этихъ средствъ — войска, находится въ самой тѣсной связи со стратегіей. Связь эта до такой степени тѣсна, что трудно даже провести рѣзкую грань между тактикой и стратегіей, а вѣрнѣе признать во всякомъ военномъ предпріятіи два элемента: стратегическій или элементъ соображенія указанія цѣли, и тактический или элементъ исполненія, достиженія цѣли.

Наконецъ, въ тѣсной связи со стратегіей находится *фортификація доловременная*, такъ какъ крѣпости строятся на основаніи стратегическихъ соображеній и, бывъ построены, обнаруживаютъ, въ свою очередь, вліяніе на эти соображенія при послѣдующихъ войнахъ.

Имѣя понятіе о теоріи военнаго искусства, въ ея общности, можно перейти къ болѣе подробному опредѣленію предметовъ тактическаго изслѣдованія. Изъ сказаннаго уже извѣстно, что тактика изслѣдуетъ боевыя свойства войскъ и мѣстности.

Но бой составляетъ только конечный моментъ войны или извѣстнаго ея періода; ему предшествуютъ маневры, т. е. передвиженіе войскъ съ цѣлію занять для боя выгоднѣйшее, относительно противника, положеніе. Понятно изъ этого, что тактика

не можетъ ограничиться только изслѣдованіемъ чисто-боевыхъ свойствъ войска, а должна также показать, какимъ условіямъ подчиняются походныя движенія и расположеніе войскъ на отдыхъ: 1) въ опасности отъ непріятеля, 2) въ сферѣ этой опасности. Къ послѣднему отдѣлу относятся также и охранительныя мѣры, принимаемыя какъ на маршѣ, такъ и во время отдыха, для обезпеченія войскъ отъ неожиданныхъ нападений противника.

Притомъ, такъ какъ тактика должна имѣть предметомъ изслѣдованіе боевыхъ свойствъ войскъ и мѣстности, а не постановку правилъ для дѣйствія, то естественно рождается вопросъ: какимъ образомъ должно вести войска, чтобы они обладали желаемыми свойствами? Слѣдовательно, кромѣ всего сказаннаго, въ тактикѣ долженъ найти мѣсто и отдѣлъ воспитанія войскъ въ мирное время.

Итакъ, предметъ тактики составятъ: 1) *изслѣдованіе основаній воспитанія войскъ*; 2) *изслѣдованіе ихъ боевыхъ, походныхъ и сторожевыхъ свойствъ*; 3) *изслѣдованіе вліянія, которое обнаруживаетъ на войска мѣстность при достиженіи возлагаемыхъ на нихъ назначеній*.

Вопросъ воспитанія войскъ въ мирное время долженъ стать на первомъ планѣ, ибо давно уже извѣстно, что въ военное время войска дѣлаютъ только то, что привыкли дѣлать въ мирное (*); слѣдовательно, поведеніе ихъ въ бою находится въ прямой зависимости отъ мирной подготовки, которая поэтому должна быть подчиняема тактическимъ требованіямъ (**).

Такъ какъ свойства войскъ обуславливаются оружіемъ, которое они въ извѣстную эпоху употребляютъ, то должно начать съ изслѣдованія свойствъ этого послѣдняго.

Человѣкъ обладаетъ двумя средствами для нанесенія открытаго вреда: онъ можетъ или *броситься на противника самъ*, или *бросить въ него чѣмъ-нибудь, самъ оставаясь поодаль отъ него*. Отсюда два рода оружія: 1) *непосредственно наносящее ударъ*, называемое *холоднымъ оружіемъ*, и 2) *служащее только для бросанія въ противника какого-либо тѣла (***)*, метательное, ко-

(*) Выраженіе маршала Саксонскаго.

(**) Здѣсь оканчиваются опредѣленія автора предметовъ изслѣдованія тактики затѣмъ г. Драгомировъ переходитъ къ опредѣленію, въ общихъ чертахъ, *свойствъ войскъ*. Ред.

(***) Камня, пули, стрѣлы, ядра, граваты и проч.

торое называютъ *огнестрѣльнымъ*, по роду метательной силы, дѣйствующей въ этомъ оружіи.

Для употребленія всякаго оружія требуются безстрашіе и умѣнье; но для холоднаго требуется преимущественно безстрашіе, для огнестрѣльнаго—умѣнье. Эта разница въ свойствахъ оружія опредѣляетъ и дальнѣйшую разницу какъ въ результатахъ употребленія его, такъ и въ порядкѣ расположенія нѣсколькихъ людей, дѣйствующихъ тѣмъ или другимъ оружіемъ для достиженія одной и той же цѣли.

Такъ какъ метательное оружіе употребляется издали, то, во-первыхъ, нельзя рассчитывать сразу попасть въ противника; мало того: даже и попавъ, нельзя рассчитывать уничтожить его и съ нѣсколькихъ разъ: можетъ удасться, а можетъ и нѣтъ. Изъ этого видно: 1) что для успѣшнаго дѣйствія имъ требуется нѣкоторый промежутокъ времени, иногда продолжительный; 2) что результатъ дѣйствія имъ не всегда бываетъ рѣшительный, а противъ массъ даже и никогда рѣшительный не бываетъ. Военная исторія почти не представляетъ примѣровъ того, чтобы противника можно было *принудить* отступить одной канонадой или перестрѣлкой.

Слѣдовательно, огнестрѣльное оружіе годно не столько для окончательнаго удара, сколько для подготовки его.

Холодное оружіе достигаетъ результата въ самый короткій промежутокъ времени, ибо наносить удары на такомъ разстояніи, на которомъ труднѣе промахнуться, достигаетъ результата рѣшительнаго, ибо сразу: или вы уничтожаете врага, или онъ васъ. Нужно прибавить, что кто имѣетъ на столько силы воли, чтобы сойтись на дистанцію шапки или штыка, тотъ уже этимъ самымъ такъ дѣйствуетъ на противника, что заставляетъ его дать тылъ, даже иногда не дождавшись столкновенія. Слѣдовательно, холодное оружіе столько же способно для окончательнаго удара, сколько не способно для подготовки его.

Итакъ, вкратцѣ, свойства оружія будутъ: 1) метательнаго—продолжительность времени для достиженія результата и нерѣшительность этого послѣдняго; 2) быстрое достиженіе результата и рѣшительность его. Къ этому должно прибавить еще, что успѣхъ стрѣльбы требуетъ спокойствія стрѣлка и дѣйствія на мѣстѣ; успѣхъ удара холоднымъ оружіемъ зависитъ, напротивъ, отъ порыва и отъ быстраго движенія впередъ.

Посмотримъ теперь, какого порядка размѣщенія людей требуетъ то и другое оружіе въ случаѣ, если нѣсколько человѣкъ должны дѣйствовать для достиженія одной и той же цѣли.

Разрѣшеніе этой задачи очевидно лежитъ въ свойствахъ оружія: успѣхъ стрѣльбы зависитъ, кромѣ умѣнья стрѣлка, еще оттого, чтобы стрѣлку не мѣшали его же товарищи и чтобы онъ не былъ стѣсненъ во времени, необходимымъ для тщательнаго заряжанія и прицѣливанія. Слѣдовательно, успѣхъ стрѣльбы требуетъ просторнаго размѣщенія людей и того, чтобы ихъ не подчиняли строгому соглашенію своихъ дѣйствій: въ одинъ ли моментъ выстрѣлять всѣ стрѣлки, назначенные для достиженія извѣстной цѣли, или нѣтъ — это рѣшительно все равно, лишь бы выстрѣлили мѣтко: вотъ основное начало успѣха стрѣльбы. Итакъ, стрѣльба требуетъ просторнаго размѣщенія людей; требуетъ, чтобы въ выборѣ мгновения для выстрѣла каждый стрѣлокъ былъ предоставленъ самому себѣ, слѣдовательно требуетъ строя *разсыпнаго*, и притомъ тонкаго и неглубокаго, чтобы каждый человѣкъ могъ стрѣлять.

Успѣхъ удара холоднымъ оружіемъ требуетъ преимущественно отваги, неостанавливаемой никакими опасностями; изъ опыта же извѣстно, что люди идутъ на опасность дружице, когда идутъ въ массѣ, а не въ разсыпную. Имѣя это въ виду, должно согласиться, что успѣхъ удара холоднымъ оружіемъ будетъ вѣроятнѣе, когда люди размѣщены другъ къ другу близко, и притомъ такъ, что могутъ ударить на противника какъ одинъ человѣкъ, т. е. единодушно, слѣдовательно и одновременно. Это предполагаетъ, кромѣ близкаго размѣщенія, еще и то, чтобы люди не только въ дѣйствиіи холоднымъ оружіемъ, но даже въ движеніяхъ, предшествующихъ этому дѣйствию, были подчинены командѣ одного лица (*). Вотъ основныя черты порядка размѣщенія, требуемаго холоднымъ оружіемъ

(*) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы разсыпной строй не нужно было подчинять командѣ одного лица; но слѣдуетъ только, что характеръ командованія въ томъ и другомъ строю существенно различенъ. Въ разсыпномъ строю командиръ болѣе руководитъ дѣйствіями, нежели командуетъ. Напримѣръ, онъ даетъ сигналъ стрѣлять: изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ подчиненные его тотчасъ начали стрѣлять, а начать стрѣлять только тѣ, противъ которыхъ противникъ виденъ, и притомъ на дистанціи дѣйствительнаго выстрѣла. Въ сомнѣнномъ строю значеніе команды совершенно другое: хотя бы противникъ былъ въ самомъ близкомъ разстояніи, солдатъ не смѣетъ выстрѣлить безъ команды; равно не смѣетъ не выстрѣлить, если команда дана; не смѣетъ двинуться съ мѣста, и даже перемѣнить положенія, безъ команды.

и называемаго *строемъ сомкнутымъ*. Кроме того, для удара холоднымъ оружіемъ требуется не только сомкнутость, но еще и глубина строя, т. е. совершенно противоположное тому, что нужно для стрѣльбы.

Изъ свойствъ оружія выводится также и сила строевыхъ частей. Такъ какъ вопросъ объ удобствѣ управления людьми играетъ въ особенности важную роль при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, и такъ какъ оно, давая рѣшительный результатъ, должно быть признано главнымъ, то и силу строевыхъ частей стали опредѣлять въ зависимости отъ условій дѣйствія этимъ оружіемъ.

Съ перваго взгляда кажется, что чѣмъ больше людей принимаетъ участіе въ ударѣ, тѣмъ лучше. Съ этого дѣйствительно и начали въ практикѣ. Но рядомъ вѣковыхъ опытовъ обнаружено, что благоприятное вліяніе числа на силу строевой части простирается до извѣстнаго только предѣла, за которымъ возрастаніе числа не увеличиваетъ боевой силы части, а только затрудняетъ и движенія ея (слѣдовательно и дѣйствія) и управление ею.

Дѣйствительно: такъ какъ успѣхъ дѣйствія холоднымъ оружіемъ основанъ на быстротѣ, одновременности движенія и на единодушій удара, такъ какъ чѣмъ больше людей должны сомасовать свои движенія, тѣмъ самыя движенія будутъ медленнѣе и неодновременнѣе; такъ какъ одновременность дѣйствій и движеній возможна только при подчиненіи массы волѣ одного, то ясно, что сила части (*): 1) должна быть такова, чтобы не препятствовать достиженію наибольшей быстроты движенія при сохраненіи сомкнутости; 2) должна быть сообразна съ мѣрою способностей одного человѣка управлять себѣ подобными и *наблюдать* за ними.

Опытъ показалъ, что масса отъ 600 до 800 человѣкъ удовлетворяетъ вполне этимъ условіямъ: быстрота ея движенія на мѣстности, не представляющей особенныхъ препятствій, немногимъ разнится отъ той, которой можетъ достигнуть и одинъ человѣкъ безъ истощенія силъ; а мѣсто, занимаемое ею въ сомкнутомъ строю, таково, что одинъ начальникъ можетъ охватить эту массу и голосомъ и глазомъ (**).

(*) Т. е. число людей, ее составляющихъ.

(**) Последнее въ высшей степени важно, ибо въ части найдутся люди всякаго сорта, т. е. и такіе, которые расположены исполнять свои обязанности не по разнанію долга, а по сознанію, что за ними смотрятъ въ нѣсколько глазъ.

Такимъ образомъ установился баталіонъ, какъ основная единица тактической организаціи пѣхоты. У насъ сила его принята нѣсколько больше показанной нормы (около 1,000 человекъ), въ расчетъ на неизбежную убыль въ людяхъ до столкновенія съ противникомъ.

Но управление массой отъ 600 до 1,000 человекъ для одного лица положительно невозможно, если эта масса не представляетъ правильныхъ подраздѣленій на части, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего начальника. Такое подраздѣленіе необходимо: для дѣйствительности наблюденія за каждымъ входящимъ въ составъ баталіона, для удобства обученія, для облегченія хозяйственныхъ распоряженій и, наконецъ, чтобы возможны были въ порядкѣ быстрые переходы изъ одного строя въ другой, равно и отдѣленіе какой-либо части баталіона для особаго назначенія.

Основное условіе этихъ подраздѣленій то, чтобы они какъ для строя, такъ и для внутренняго управленія были одни и тѣ же. Необходимо это для того, чтобы солдатъ постоянно оставался подъ командою тѣхъ, кто его знаетъ и кого онъ знаетъ.

Въ настоящее время эти подраздѣленія установились такъ, что баталіонъ раздѣляется на нѣсколько ротъ (отъ четырехъ до восьми), рота на два взвода и четыре полувзвода, каждый полувзводъ на два отдѣленія. Для внутренняго управленія каждый полувзводъ (или капральство) дѣлится на десятки.

У насъ принято дѣленіе баталіона на четыре роты (стрѣльцовыя, саперныя, крѣпостныя, губернскія и линейныя баталіоны) и на пять ротъ (баталіоны дѣйствующихъ армейскихъ войскъ, гвардейскихъ и гренадерскихъ).

Ротами, взводами и полувзводами командуютъ офицеры, ближайшіе помощники которыхъ, какъ въ строю, такъ и по внутреннему управленію — унтеръ-офицеры; отдѣленіями и десятками завѣдываютъ унтеръ-офицеры или ефрейторы.

У французовъ баталіонъ дѣлится на восемь ротъ, такъ что въ строю каждая рота вмѣстѣ составляетъ и взводъ; у австрійцевъ баталіонъ шести-ротнаго состава. Разнообразіе числа ротъ, на которое баталіонъ въ различныхъ арміяхъ дѣлится, показываетъ, что для этого числа нѣтъ опредѣленной нормы. Должно замѣтить только, что, при сложности нынѣшняго образованія солдата, раздѣленіе баталіона на малое число ротъ сильнаго

состава неудобно, потому что дѣлаетъ затруднительными тщательныя занятія съ каждымъ солдатомъ поровнѣ, и потому еще, что уменьшаетъ число офицеровъ, дѣйствительно близкихъ солдату и получившихъ навыкъ подчинять его своей волѣ.

За недостаткомъ офицеровъ — что въ дѣлѣ случается тѣмъ чаще, чѣмъ офицеры лучше, т. е. чѣмъ менѣе падаютъ себя — частями ротъ командуютъ унтеръ-офицеры, которые, слѣдовательно, должны быть къ этому подготовлены заблаговременно.

Дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ требуетъ подраздѣленія полувзводовъ на звенья, отъ 3 до 6 человекъ въ каждомъ, которыя и составляютъ собственно стрѣлковую тактическую единицу: постоянного выгоднѣйшаго числа звеньевъ, соединяемыхъ вмѣстѣ для стрѣльбы, нѣтъ, ибо въ разсыпномъ строю строгой одновременности движенія не требуется, а для управленія совершенно достигаетъ цѣли то подраздѣленіе, которое потребно и для успѣшнаго дѣйствія холоднымъ оружіемъ.

Пѣхота естественно была первымъ родомъ оружія по времени возникновенія, и соединеніе ея въ стройныя массы — первымъ шагомъ въ военномъ искусствѣ. Но на этомъ долго нельзя было остановиться; вопросы о томъ: нельзя ли увеличить быстроту движеній пѣхоты и силу ея метательнаго дѣйствія, должны были неизбѣжно возникнуть.

Значительное увеличеніе быстроты движенія не допускается однако физическимъ складомъ человекъ: ему придали лошадь; и образовалась *кавалерія*.

Сначала она представляла превосходство въ томъ только, что давала возможность неожиданно появляться и исчезать передъ противникомъ. Превосходство огромное, и это, вѣроятно, было причиною, что отъ кавалеріи весьма долгое время больше ничего не требовали, кромѣ развѣдыванія о противникѣ, утомленія его и преслѣдованія. Только въ послѣднее время, именно при Фридрихѣ II, ее начали употреблять и для нанесенія стремительныхъ ударовъ, сомкнутымъ строемъ, въ бою (*). Та-

(*) Возможность подобнаго употребленія предвидѣлъ еще и Густавъ-Адольфъ, запретившій своей кавалеріи стрѣлять и требовавшій отъ нея стремительныхъ ударовъ; но это не вызвало подражанія въ другихъ кавалеріяхъ и умерло вмѣстѣ съ шведскою. Начиная съ Фридриха II, все европейскія кавалеріи мало по малу пришли къ убѣжденію, что на огонь въ бою кавалеріи рассчитывать нечего и что единственный залогъ успѣха есть нападеніе на противника на всемъ скаку.

Древнія кавалеріи едва-ли также употребляли атаку въ карьеръ, ибо римская

кимъ путемъ образовался родъ войска, значительно усложнившійся, весьма сильный при столкновеніи съ противникомъ и ничтожный оставаясь на извѣстномъ, даже весьма близкомъ, разстояніи отъ него. Быстрота движенія ставитъ этотъ родъ войска въ полную зависимость отъ мѣстности, къ метательному пораженію онъ не способенъ, а свойства холоднаго оружія дѣлаютъ и его „оружіемъ минуты“ (*), т. е. родомъ войска, неспособнымъ къ выжиданію, который можетъ сдѣлать все, если минута для атаки выбрана удачно, и гибнетъ въ обратномъ случаѣ; который приготовить своего удара не въ состояніи.

Тактическая единица кавалеріи — *эскадронъ* — должна была выйти меньше, чѣмъ пѣхотная, вслѣдствіе и сложности состава, затрудняющей управленіе, и быстроты движенія, съ увеличеніемъ которой число людей, назначаемыхъ для одновременнаго удара, естественно, должно становиться меньше. Практика установила выгоднѣйшую силу эскадрона въ 120 — 150 коней. Кромѣ того, эскадронъ дѣлится на четыре взвода, а взводы дѣлятся на отдѣленія, по три ряда въ каждомъ. Дѣленіе на взводы нужно для строя и для внутренняго управленія; дѣленіе на отдѣленія — только для строя.

Желаніе увеличить силу метательнаго дѣйствія пѣхоты повело къ изобрѣтенію метательныхъ машинъ, превратившихся, съ изобрѣтеніемъ пороха, въ *артиллерію*. Но та же односторонность, которая составляетъ принадлежность кавалеріи, обнаруживается и въ артиллеріи, только въ обратную сторону. Огромная сила на значительныхъ разстояніяхъ и полное безсиліе при нулѣ разстоянія, другими словами — неспособность къ собственной защитѣ, разъ какъ непріятель достигнулъ орудій; сложность состава (люди, машины и лошади); полная зависимость отъ мѣстности — вотъ отличительныя черты артиллеріи. Кромѣ того и положеніе человѣка значительно въ ней измѣняется, сравнительно съ ролью, которую онъ играетъ въ другихъ родахъ оружія; въ пѣхотѣ и кавалеріи оружіе дается человѣку для дѣйствія; въ артиллеріи человѣкъ придается къ орудію.

и греческая плохо ѣздили, а нумидійская и кавалерія восточныхъ народовъ, по всей вѣроятности, дѣйствовали подобно нынѣшнимъ иррегулярнымъ кавалеріямъ, которыя не столько рассчитываютъ на сомкнутость при ударѣ, сколько на одиночную ловкость наѣздниковъ, на утомленіе противника и на хитрости.

Въ древности есть только одинъ намекъ на кавалерію въ нынѣшнемъ ея смыслѣ — это боевыя колесницы грековъ.

(*) L'arme du moment — выраженіе маршала Саксонскаго.

Все сказанное относительно метательнаго дѣйствія пѣхоты примѣнимо вполнѣ и къ артиллеріи, т. е. что для успѣха дѣйствія ей нуженъ продолжительный (*) промежутокъ времени: единственный ея боевой строй — разсыпной; что предѣла для боевой сборной единицы въ артиллеріи нѣтъ; что единицу составляетъ собственно орудіе; батарея же образуетъ болѣе хозяйственное, нежели тактическое подраздѣленіе (**).

Различіе, существующее между разными родами оружія, обнаруживается и въ нравственномъ складѣ трехъ родовъ войскъ: пѣхота должна обладать и стойкостію и стремительностію, слѣдовательно ей одинаково нужны и пассивное упорство и отчаянная храбрость; кавалерія на мѣстѣ ничего не значитъ, значеніе ея возникаетъ только при стремительномъ движеніи, слѣдовательно въ ней должна быть выработана, развита преимущественно отчаянная храбрость, способность бросаться очертя голову на самыя, повидимому, невозможныя цѣли, способность сразу ставить все на карту. Недостатокъ стойкости въ ней можетъ быть вознагражденъ только способностію повторенія удара даже послѣ испытанныхъ неудачъ. Артиллерія въ движеніи ничего не значитъ, на мѣстѣ — все: слѣдовательно, отъ артиллериста требуется только то пассивное мужество, при которомъ человѣкъ способенъ въ виду самой близкой, неминуемой опасности навести орудіе съ такимъ же спокойствіемъ; какъ будто непріятель въ 500 саженьяхъ отъ него, при которомъ онъ способенъ умереть на орудіи, если на батарею нахлынула пѣхота или кавалерія, но не сдать его.

Изъ сказаннаго ясно видна необходимость соединенія всѣхъ трехъ родовъ оружія для успѣшнаго дѣйствія: недостатокъ силы холоднаго и метательнаго удара въ пѣхотѣ вознаграждается кавалеріей и артиллеріей; недостатокъ стойкости (или неспособность выигрыша времени) въ кавалеріи вознаграждается

(*) Съ введеніемъ артиллеріи, сраженія становятся продолжительнѣе и является возможность удерживать противника на значительномъ отъ себя разстояніи, т. е. возможность выигрыша времени. Эту возможность имѣетъ и пѣхота, по способности къ метательному дѣйствію, но въ степени несравненно меньшей. Точно также она обладаетъ и кавалерійскою способностію бросаться на врага безъ выжиданія, но также въ предѣлахъ гораздо болѣе ограниченныхъ.

(**). Въ описаніи сраженій, т. е. тамъ, гдѣ имѣется въ виду проявленіе исключительно боевыхъ способностей войскъ, соединеніе всякаго числа орудій называется батареей: и 2 орудія батарея, и 50, и 100 тоже батарея. Сила артиллеріи въ тѣхъ же описаніяхъ всегда опредѣляется числомъ орудій, а не числомъ батарей.

пѣхотой и артиллеріей; наконецъ, недостатокъ собственной защиты въ артиллеріи вознаграждается кавалеріей и пѣхотой, которыя должны ее отстаивать въ то время, когда она не можетъ дѣйствовать, т. е. когда находится въ движеніи или когда непріятель насѣлъ на нее.

Изъ сказаннаго видно также, что пѣхота и кавалерія способны и къ отдѣльному дѣйствию; артиллерія же одна, т. е. безъ прикрытія, дѣйствовать не можетъ.

Разрѣшеніе вопросовъ о силѣ и составѣ тактическихъ единицъ дѣлаетъ возможнымъ переходъ и къ разбору средствъ, которыми эти единицы и совокупность ихъ приводятся въ движеніе и въ дѣйствіе, однимъ словомъ—къ разбору способовъ передачи воли начальника войскамъ.

Начальникъ можетъ изъявить свою волю:

1) *Командой*, заранѣе условленной, т. е. извѣстной всѣмъ людямъ, составляющимъ часть или совокупность частей.

2) *Сигналомъ*, замѣняющимъ команду въ тѣхъ случаяхъ, когда голосъ не могъ бы быть услышанъ.

Недостатокъ обоихъ этихъ средствъ заключается въ томъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ выразить вполнѣ мысли начальника: командой или сигналомъ можно опредѣлить направленіе движенія, строй, начало дѣйствія оружіемъ или прекращеніе его; но цѣли—*для чего* приказывается строй или движеніе, *противъ чего* слѣдуетъ дѣйствовать, ни команда, ни сигналъ не указываютъ, да и указать не могутъ. Цѣль, предписываемую войскамъ къ достиженію, можно указать имъ только:

3) *Приказаніемъ*, т. е. живою человѣческою рѣчью, и *личнымъ примѣромъ*. Такъ какъ въ бою для войскъ главное знать цѣль, которой они должны достигнуть, то ясно, что умѣнье отдать приказаніе обстоятельно, кратко и энергически должно быть поставлено выше умѣнья скомандовать или подать сигналъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы можно было пренебрегать первыми двумя средствами, но слѣдуетъ то, что должно всѣми мѣрами остерегаться прибѣгать къ командѣ или сигналу тамъ, гдѣ можно достигнуть цѣли не иначе, какъ приказаніемъ.

Изъ опредѣленія того, что можно выразить командой или сигналомъ, видно, что эти средства умѣстны только въ примѣ-

неніи къ одной тактической единицѣ, т. е. тамъ, гдѣ команду или сигналъ нетрудно дополнить личнымъ примѣромъ или медленнымъ распоряженіемъ. При дѣйствіи же совокупности единицъ, эти средства должны быть замѣнены приказаніями, за весьма рѣдкими исключениями, да и то не въ виду непріятеля; въ виду же непріятеля, если сигналъ или команда возможны, то не болѣе, какъ средство для начала одновременнаго исполненія уже извѣстнаго, заранѣе отданнаго приказанія. Сигналы и команды составляютъ неудовлетворительное средство изъясленія воли при соединеніи нѣсколькихъ баталіоновъ и потому еще, что не могутъ быть слышны въ шумѣ и суматохѣ боя. Наконецъ, сигналъ можетъ иногда служить предвареніемъ не только своимъ, но и непріятелю, а иногда можетъ быть даже имъ поданъ (напримѣръ, сигналъ отбой).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, свойства главнѣйшаго предмета тактическихъ изслѣдованій—*войска*, относительно соединенія его въ сборныя единицы и относительно приведенія въ дѣйствіе. Изъ сказаннаго видно, что эти свойства истекаютъ изъ физическихъ и душевныхъ свойствъ человѣческой природы вообще, и чѣмъ устройство войскъ болѣе соображено съ ними, тѣмъ войсковою организмъ будетъ сплоченнѣе, такъ сказать, здоровѣе, тѣмъ боевая годность войскъ больше.

Въ слѣдующей статьѣ увидимъ, что для совершенства арміи въ боевомъ смыслѣ образованіе ея и воспитаніе должны быть возможно послѣдовательнѣе подчинены тому же началу—строгаго соответствія духовнымъ и физическимъ свойствамъ чловека.

М. ДРАГОМИРОВЪ.

Сентябрь 1865 г.